

Russian experience of interaction between authorities and education: addition to the issue of significance of official historiographical discourse

Samylov, Oleg; Simonenko, Tatyana

Veröffentlichungsversion / Published Version
Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Samylov, O., & Simonenko, T. (2012). Russian experience of interaction between authorities and education: addition to the issue of significance of official historiographical discourse. *Modern Research of Social Problems*, 1, 1-17. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-331872>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:
<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

УДК 1(091) + 101.1

**РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И
ОБРАЗОВАНИЯ: К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ОФИЦИАЛЬНОГО
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Самылов Олег Валерьевич,

доцент, кандидат философских наук,

доцент кафедры «История и политология»

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики,

г. Санкт-Петербург, Россия

os@rusk.ru

Симоненко Татьяна Ивановна,

доцент, кандидат философских наук,

доцент кафедры онтологии и теории познания

Санкт-Петербургский государственный университет,

г. Санкт-Петербург, Россия

ts@rusk.ru

В статье рассматривается амбивалентный характер взаимодействия власти, науки и образования. Анализируется процесс становления официальной историографии России, который осуществляется на основе унификации летописных источников и под влиянием внешних политических факторов. Показывается значение официального историографического дискурса для научно-образовательной сферы общества.

Ключевые слова: образование, историография, дискурс, историзм, власть, государство.

RUSSIAN EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN AUTHORITIES AND EDUCATION: ADDITION TO THE ISSUE OF SIGNIFICANCE OF OFFICIAL HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE

Oleg Samylov,

Associate Professor, Candidate of Science (Philosophy),

Associate Professor of Department "History and Political Science"

St.-Petersburg State University of Service and Economics, St.-Petersburg, Russia

os@rusk.ru

Tatyana Simonenko,

Associate Professor, Candidate of Science (Philosophy),

Associate Professor of Department of Ontology and the Knowledge Theory

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia

ts@rusk.ru

The article deals with the ambivalent character of interplay of the power, science and education. The process of formation of an official historiography in Russia is analyzed. It is shown that the official historiography is developed on the basis of unification of annalistic sources, primarily under the influence of external political factors. Also article shows the importance of an official historiographic discourse for science and education.

Keywords: *education, historiography, discourse, historicism, power, state.*

В поисках оптимальной стратегии развития современного российского общества одной из ключевых проблем, требующих безотлагательного решения, является проблема реформирования образования как наиболее значимой составляющей в системе общественного воспроизводства: от него зависит и качество будущих поколений, и жизнеспособность, эффективность самого общества. Актуальность и сложность этой задачи во многом определены

особенностями самой образовательной сферы общества: с одной стороны, образование является укорененным в обществе, зависимым от него, вынужденным следовать определенному социальному заказу, с другой – образование должно опережать, «вести за собой» общество, поскольку является важнейшим инструментом его воспроизводства и развития. Не случайно практически все развитые страны проводили различные по глубине и масштабам реформы национальных систем образования. Во многих странах реформирование образования приобрело статус важнейшего направления государственной политики.

Мысль о значении образовательной сферы в развитии общества и необходимость ее реформирования уже давно приобрела в нашей стране ощутимые материальные формы. Тому подтверждение – изобилие современных новаций (от повсеместного внедрения ЕГЭ до формирования многоуровневой системы высшего образования и неуклонно распространяющейся коммерциализации образования на всех его уровнях). Однако ожидаемая цель – повышение эффективности образовательной системы – все еще не достигнута. Основные причины заключаются, на наш взгляд, в следующем.

Современные реформы зачастую базируются на ложных основаниях, среди которых присутствует такой ориентир, как коммерческий успех. Не будем отрицать его значимости в системе ценностей человеческой жизни, но заметим, что коммерческий успех никогда напрямую не вырос из образовательной сферы, являясь лишь одним из опосредованных следствий гармонично построенной системы образования. Можно ли проблемы образования (вопросы об образовательном идеале эпохи, выборе образовательной стратегии, оценке качественного состояния системы образования и т. д.) разрешать исключительно в контексте характера и динамики развития экономики в обществе, встраивая систему образования в структуру современных рыночных отношений? Возможно ли адекватно выбрать приоритеты образовательных технологий, обозначить необходимые доминанты в образовательной реформе в

целом, руководствуясь критериями сиюминутной экономической выгоды, рассматривая новации в образовании с точки зрения объема и качества оказания образовательных услуг населению и оптимальности работы данной сферы? Вопросы отнюдь не риторические. Реальность такова, что реформирование российской системы образования уже встало на путь рыночной модернизации, что чревато, на наш взгляд, целым рядом опасных (если не сказать: катастрофических) последствий для общества в целом.

Еще одна причина заключается, на наш взгляд, в практике прямого механического заимствования образовательных новаций из опыта других стран (США и др.), имеющих иные образовательные, научные и культурные традиции. На этом фоне чаще всего игнорируется значение отечественных традиций семейного, дошкольного, школьного, профессионального среднего и высшего вузовского образования.

Назовем еще одну из важнейших проблем в функционировании современной системы образования, во многом обуславливающей нерешенность образовательных задач – это проблема государственной монополии в реформировании данной системы в российском обществе. Инновационность распространяется не «снизу», со стороны непосредственных участников образовательного процесса: педагогов, учеников и их родителей, а «сверху» – из недр чиновничьего аппарата, что во многом объясняет ее безжизненность и абстрактность. В этих условиях, когда государство неспособно решить неотложные социальные проблемы, в том числе сформировать образовательную стратегию, – возможно и даже необходимо смещение функций управления в негосударственную сферу. Эти процессы находят свое выражение в зарождении инициативы снизу, самоорганизации гражданских институтов, формировании культурных интересов и потребностей субъектов гражданского общества, требующих своего формального признания и институционального определения [1; 2].

Контур решения сложных проблем взаимоотношения власти, науки и образования во многом определяются, во-первых, анализом этих отношений на стадиях их зарождения в нашей стране и, во-вторых, исследованием особенностей влияния дискурсивных научных (историко-политических прежде всего) практик на процесс как государственного регулирования образовательного и научного континуума, так и конституирования самой государственной власти, чему и посвящена данная статья.

В результате Петровских реформ, повлекших за собой колоссальные социальные, культурные, экономические, политические преобразования российского общества, развития собственной российской системы образования, которая служила прежде всего государственным интересам, роль государства в определении целей, направлений и способов обучения и воспитания в XVIII – начале XIX века значительно возросла. Можно говорить о том, что в этот период в России складывалась новая (социетарная) образовательная парадигма, в основе которой лежал принцип государственного управления системой образования, при реализации которого государство признавало себя единственно возможной целью в жизни общества, стремясь превратить общественный порядок в орудие для осуществления своих задач.

Любая образовательная парадигма предполагает определение целей образования и потому содержит в себе определенную версию начала истории, ее логику, содержание, понимание путей и целей исторического движения общества, поскольку определение стратегии образования связано с представлением о самоценности будущего, к которому может быть устремлено образование человека в его истории, и настоящего как необходимой ступени скорейшего достижения этого будущего состояния. Поэтому в России XVIII–XIX веков в условиях доминирования государственной власти в делах развития науки и образования с необходимостью складывается официальный историографический дискурс, имевший особое значение для реализации целей

государственной политики и образа социального будущего в том числе в сфере формирования образовательных стратегий.

Под дискурсом в данном случае можно понимать определенную языковую формацию, функционирующую (и это функционирование приводит к ожидаемым результатам) именно в том пространственно-временном континууме, который предполагается порядком самого этого дискурса. Исходя из такого представления можно предполагать, что под внешне одинаково организованными языковыми формациями, имеющими одно и то же имя (например, «история» или «медицина») могут скрываться совершенно различные коммуникационные стратегии и преследоваться совершенно различные цели. Значение высказываний в такой языковой формации зависит не столько от их содержания, сколько от места и времени, когда они произносятся. Дискурсивные практики, по словам М. Фуко, «...нельзя путать с экспрессивными операциями, посредством которых индивид формулирует идею, образ, желание, ни с рациональной деятельностью, которая может выполняться в системе выводов, ни с "компетенцией" говорящего субъекта, когда он строит грамматические фразы. Это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и в пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [3, с. 118].

Историографический дискурс не обязательно следует рассматривать только в связи с поиском исторической истины. Стремление установить истину в границах историографического дискурса является только одной из возможных стратегий. Можно обратить внимание на некоторые иные, не связанные с поиском истины стратегии: так, например, психоаналитические техники предполагают не только установление истины-диагноза, но и обнаружение скрывающегося под теми или иными симптомами бессознательного желания. Психоанализ неизбежно становится поэтому не

только дискурсом истины, но и дискурсом желания, и, применяемый к историческому знанию как к вполне возможному и даже любопытному с точки зрения психоаналитика объекту, психоанализ способен выявить стратегии желания в этой области. Кроме того, в данном контексте можно говорить и о психоистории, которая ставит перед собой цель не описывать прошлое через его репрезентации, а найти репрезентации живого опыта людей, живших в определенную историческую эпоху, репрезентации их живой памяти.

В современной исторической науке существует представление о том, что исторический процесс есть реализация определенных объективных законов, и дело заключается лишь в том, чтобы открыть эти законы. Для их познания необходимо использовать наиболее адекватный (истинный) метод научного познания. Вместе с тем, в описании движения истории постоянно происходит смена историографических парадигм, фактически предметом познания и историографического дискурса становится не эмпирическая история, а та или иная ее интерпретация, претендующая на истинность и объективность. Более того, историографический дискурс в процессе своего самоутверждения и обоснования необходимо претендует на объективность, оказывая существенное влияние на формирование принципов исторического знания, новых идеологем и мировоззренческих конструкций в сфере социально-исторического опыта.

Даже поверхностное описание историографического дискурса дает возможность внутри него обнаружить различные стратегии, обычно ускользающие от внимания историков или трактуемые ими как второстепенные. Конструирование «единого исторического процесса» автоматически порождает образ соответствующего ему исторического знания, не теряющего своих важнейших качеств и признаков в зависимости от того, в каком пространственно-временном дискурсе обнаруживает себя дискурсивная формация под именем «история». Но далее мы будем исходить из того, что далеко не всегда под словом «история» все понимают одно и то же. Обсуждаемые образы исторического знания (выражающиеся т.о. в различных

рецепциях историзма) формируются в различных дискурсивных практиках, имеющих различные цели и осуществляющихся через различные стратегии [4, с. 327-331].

Первый опыт составления общей истории русского государства от древности и до текущего времени принадлежит В.Н. Татищеву [5], работа которого над составлением общей истории русского государства была связана с его политической и бюрократической деятельностью. Сочетание интереса к историографическому дискурсу с административной и политической практикой, совершенно не свидетельствующей о приверженности идеалам Просвещения, не является абсолютно случайным. М. Фуко так описывает зарождение официального историографического дискурса: «...историко-политический дискурс... претендует на обладание истиной и правом, исходя из силовых отношений и с целью развития самих этих отношений, причем в результате говорящий субъект-субъект, говорящий о праве и ищущий истину, отлучается от юридически-философской универсальности. Роль того, кто говорит, не является ролью законодателя или философа, стоящего между борющимися лагерями, сторонника мира или перемирия. Здесь речь идет совсем не о том, чтобы встать между противниками, оказаться в центре или над ними, предложить каждому общий закон и основать примиряющий всех порядок. Речь идет скорее о том, чтобы показать право, пораженное асимметрией, указать связь истины с силой, выявить истину-оружие и особое право. Субъекта, который говорит, я не назвал бы даже полемизирующим, это воюющий субъект. Такова одна из важных особенностей характеризуемого дискурса, которая, вероятно, уже разрушает практиковавшийся в течение тысячелетий... дискурс об истине и законе... Подобный дискурс по существу обращается к немногословному богу баталий, чтобы объяснить долгие периоды порядка, труда, мира, справедливости. Именно ярость лежит в основе спокойствия и порядка. Что это означает для исследования истории? Прежде всего необходимость внимания к грубым фактам, их можно было бы уже

назвать физико-биологическими: это физическая мощь, сила, энергия, размножение расы, слабость другого и т.д.; кроме того, это ряд случайностей, совпадений как условие поражений, побед, крушения или успеха восстаний, удачи или неудачи объединений или союзов; наконец, это связь психологических и моральных элементов (храбрость, страх, презрение, ненависть, забвение и т.д.). Согласно данному дискурсу, именно взаимодействие физических сил, страстей и случайностей составляет постоянную основу истории и разных обществ» [6, с. 70-71].

Хотя Татищев занимал весьма заметное место в бюрократической иерархии, его труды по составлению общей истории государства были, скорее, частной инициативой и не нашли понимания в самом государстве. В 1803 году императором Александром I официальным историографом был назначен Н.М. Карамзин. Результатом его изысканий стала 12-томная «История государства Российского» [7], которая, в отличие от трудов Татищева, сразу же стала пользоваться широкой популярностью. Цели и задачи труда Карамзина были откровенно апологетическими. Пушкин написал эпиграмму по поводу сочинения Карамзина, которая довольно точно передает пафос «Истории государства Российского»:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Сочинение Карамзина вызвало множество подражаний и полемических противопоставлений. Среди них в рамках изучения становления историографического дискурса в России следует отметить 6-томную «Историю русского народа» Н.А. Полевого (1829-1933) и посвященную Карамзину диссертацию М.П. Погодина «О происхождении Руси». Кроме того, как продолжения труда Карамзина можно рассматривать и многотомные своды описания русской истории, появившиеся позже: «Историю России» С.М.

Соловьева в 29 томах (1851-1879), «Полный курс русской истории» (1904-1911) В.О. Ключевского в 4 томах, с той оговоркой, что они уже не столько решают задачи формирования историко-политического дискурса, сколько служат пропедевтическим целям, которые, впрочем, не противоречат функционированию официальной историографии.

В общем плане задачи, решаемые формирующимся историко-политическим, или официальным историографическим дискурсом, можно представить следующим образом. Приоритет политической истории и в момент его формирования и на более поздних этапах его функционирования неразрывно связан с нуждами национальной государственности. Но сама эта идея национального государства является абстракцией. Выдвигаемая в ходе процессов централизации, преодолевающих состояние феодальной раздробленности, идея единого национального государства стала доминирующей во всех официальных историографических дискурсах. Судя по состоянию современной исторической науки, и в наши дни историки едва ли могут без нее обойтись. Важно учесть к тому же и то обстоятельство, что процессы централизации порождали у ведущих европейских держав тяготение к колонизации заморских территорий. С определенной точки зрения и экспансивное проникновение России в Сибирь, на Дальний Восток, на Кавказ и в Среднюю Азию можно, при множестве существенных различий, рассматривать как некий аналог создания колоний западноевропейскими странами. Но в тот момент, когда политические эмиссары метрополии колонизировали отдаленные территории, создатели официального историографического дискурса колонизировали прошлое. История предшествующего состояния раздробленности завершается раньше, чем возникает современная концепция общества во главе с государством-нацией. Поэтому возникает задача реконструирования этой истории предшествующего состояния, задача описания перехода от «стадии дикости» к «стадии цивилизации», олицетворяемой появлением национального государства.

История должна стать рассказом о создании современного государства-нации, постоянно повторяемым на языке политических идиом.

Историография, рассматривающая прошлое в соответствии с такими установками, не может не упустить из памяти значение тех маленьких и второстепенных общностей, которые преобладали в предшествующем состоянии раздробленности. Более того, эта историография не только не может не упустить в своем рассказе о создании национальной государственности роль этих второстепенных сообществ, но она обязана это делать, т.к. иначе задачи, возлагаемые на нее, не будут решены. Известно, например, что узы, связывавшие такие группы в единое целое, были основаны скорее на отношениях личной преданности и зависимости, чем на публичных дефинициях прав и обязанностей граждан. Хотя такие дефиниции могли появиться только в едином национальном государстве не ранее, чем оно начнет формироваться, историографы обнаруживают свидетельства их существования и в более глубокой древности. Именно с этой точки зрения следует оценивать то обстоятельство, что Татищев обнаружил и опубликовал «Русскую Правду» [8] и «Судебник» Ивана Грозного [9]. Это обстоятельство не могло быть случайным в том смысле, что создатель официального историографического дискурса не мог не обнаружить в далеком прошлом свидетельства того способа регулирования отношений между подданными, которые более характерны для этапа складывания единой национальной государственности.

Другое обстоятельство связано с переносом в прошлое того разграничения между сферой частного и публичного, которое характерно для национального государства, в той или иной мере отождествляющего сферу частной жизни с автономией индивида. Хотя распространено мнение, что в истории России XVII–XVIII столетий речь об автономии личности можно вести только со значительными оговорками, тем не менее, нельзя утверждать, что отношения между индивидом и государственной машиной строились по образцу восточных деспотий. Россия XVIII столетия была европейским национальным

государством с элементами восточного деспотизма, которые хотя и поражали воображение европейцев, но решающей роли в государственной жизни не играли. Однако, перенос разграничения частного и публичного в историческое прошлое неправомерен не столько потому, что в этом прошлом отсутствовала автономия индивида, сколько потому, что там не было привычной для XVIII столетия сферы публичности. Политика была областью деятельности не только князей и бояр, но также ремесленных и торговых корпораций и могущественных семейных кланов. Отсутствовало понятие суверенитета, так как власть не была сосредоточена в едином центре, она была рассеяна в хаотической совокупности личных конфликтов, решение которых могло иметь локальный характер и не требовало привлечения универсальных институтов, например, единой на всей территории судебной власти. Общество, предшествующее этапу формирования единого национального государства, было плюралистическим, основанным в значительной мере на самоорганизации, но этот факт не вписывается в формирующийся историко-политический дискурс, который изображает эту плюралистичность как тяготение друг к другу разделенных общностей, имеющих общую природу, но в силу внешних причин не способных без вмешательства единой государственности к объединению. Тем не менее, скрытая от взора официальной историографии культура этих меньшинств, в том числе и политическая культура, продолжает существовать и в едином национальном государстве.

Как только в ходе семнадцатого столетия династия Романовых консолидировала свою власть, возникла задача свести многообразие линий исторического времени в рамках одной единственной историографии, которая, отдавая безусловный приоритет власти монарха, а не власти церкви, должна была бы лечь в основу определенной образовательной стратегии. Формирующийся официальный историографический дискурс поэтому выглядит как цементирующий совокупное историческое сознание

исторический свод, как единая Великая Летопись, воспевающая царствующую династию, которая, к тому же, возводит легитимность своего пребывания на троне к праву на власть рода Рюриковичей. В этом смысле особого различия между опытом создания единой истории русской государственности В.Н. Татищевым и многотомной «Историей России» С.М. Соловьева нет, так как это варианты одной и той же Великой Летописи. Различия в нюансах обоснования легитимности правящей династии не столь существенны, так как более важной задачей является создание единого хронологического прототипа, единого исторического топоса. Эта задача уходит на второй план (или вообще исчезает), когда историческая наука достигает определенной ступени своего развития. В рассматриваемый нами период формирования официального историографического дискурса историческая наука пребывает еще в «эмбриональном состоянии». Однако и развитая историческая наука не может не считаться с сформировавшимся историко-политическим дискурсом, поэтому политика, политические цели и задачи, являвшиеся основой формирования официальной историографии и хронологии, остаются в основе и развивающегося исторического знания и образования. Сам же историко-политический дискурс продолжает нести на себе отпечаток той монархической традиции, внутри которой он сформировался, поэтому не случайно важнейшими пунктами разметки исторического времени оказываются события в жизни царствующей династии.

В то же время только создание универсальной хронологии придворными историографами могло привести к переходу исторического познания на твердую почву. Но этот триумф официального историографического дискурса мог быть достигнут только ценой вытеснения предпосылок для создания альтернативных историко-политических концепций. Когда монархическая историография становится в течение XVIII столетия официальной (в том смысле, что очерченный ею путь к единому национальному государству был признан единственно возможным), то многообразие путей, которые

прокладывались местными региональными историческими концепциями, созданными, главным образом, в монастырях, было вытеснено из исторической памяти. На самом деле, в XVIII столетии историки руководствовались желанием свести тотальность прошлого к одной единственной хронологии, к одной единственной последовательности событий. Следовательно, плюрализм летописей выступал препятствием для осуществления этого желания. В прошлом не должно было оставаться такой линии событий, которая не могла найти своего места в создававшейся системе координат. Впрочем, в этом унифицируемом многообразии могли существовать такие хронологические линии, которые хотя и не препятствовали формированию единого историко-политического дискурса, но выступали для целей этого формирования бесполезными. Они также устранились в Великой Летописи, а затем исчезают и из поля зрения исторической науки, а значит (через систему образования) и из коллективной памяти самого народа. Остаются следы этих альтернативных хронологических линий в сохранившихся исторических памятниках, но поскольку критерием единственно верной хронологии выступает сформировавшийся официальный историографический дискурс, и поскольку историческая наука продолжает на него ориентироваться, то подобные альтернативы истолковываются в исторической науке в соответствии с унифицированным стандартом, находящим свое воплощение в соответствующей образовательной стратегии.

Развитие исторической науки, попытки философского осмысления сущности исторического времени порождают, прежде всего, желание укрепить связь между прошлым и настоящим, и официальная историография дает простое, но в то же время эффективное и надежное решение этой проблемы. Теории исторического прогресса могли опираться на представление об исторической преемственности между прошлым и будущим, тогда как пусть даже немного приоткрывающийся плюрализм прошлого сразу же ставил идею прогресса под сомнение, выбивал из под ног твердую почву.

Таким образом, официальный историографический дискурс долго служил источником оптимизма в исторической науке. Устремленность в будущее, характерная для разнообразных теорий прогресса, пробуждала смутно сознаваемое желание раз и навсегда оставить прошлое позади, избавиться от его инерционного воздействия на настоящее. Поэтому и историческая наука и образовательная парадигма, в той мере, в какой теории прогресса остаются в ней господствующими, охотно признает власть над собой идеологических ограничений и не ставит под сомнение свою политическую ангажированность.

Содержание социетарной образовательной парадигмы, сложившейся в России в XVIII и просуществовавшей вплоть до конца XIX века, было сориентировано на прочный фундамент исторической науки того времени, инспирированной соответствующим официальным историко-политическим дискурсом со свойственной ему политической ангажированностью и своей хронологией, полагающей собственную интерпретацию прошлого, настоящего и будущего. Прошое, размечаемое до возникновения официального историографического дискурса в соответствии с точками, особо чувствительными для живой памяти поколений, сменилось прошлым, располагаемым, словно прямая в системе координат, на абстрактной унифицированной шкале времени, обосновывающим необходимость линейного развития и неотвратимость прогресса.

К началу XX века ввиду явного проявления тенденций глобализации всего мирового социокультурного пространства в российском обществе складывается ситуация доминирования в обществе особого паттерна образовательных и интеллектуальных усилий, который мы можем обозначить как «знание-власть» (своего рода «реинкарнация» в новых исторических условиях известного бэконовского дискурсивного посыла «знание-сила»). Даже революция 1917 года, когда на время показалось, что слово навсегда материализовалось в холодной стали оружия не нарушила в России этого

общего для всего мира процесса возрастания роли историко-политического дискурса.

Не случайно философское освоение действительности последнее столетие проходит сквозь призму основной проблемы современной философии – языка: посредством слова, несущего смысл определенного знания или интерпретации доносится востребованное властью понимание действительности. Поэтому в настоящее время все более возрастает значимость историко-политического дискурса как среды, формирующей образование, науку и политическую власть.

Образовательная система всегда выполняла и, смеем предположить, будет выполнять функцию трансляции тех смыслов и значений, которые фиксируются наличествующим историографическим дискурсом. Доступным в системе образования становится только то, что осмыслено и отфильтровано сознанием, претендующим на полноту и объективность описания. С другой стороны, история как реальный процесс и способ социальной жизнедеятельности не может осуществляться без передачи традиций, ценностей, интерпретаций прошлого, настоящего и будущего народа и государства, что и реализуется в системе образования. Поэтому любая образовательная парадигма является не только следствием или результатом истории, но и ее предпосылкой.

Литература

1. Васильева В.Н. Становление гражданского общества и задачи образования в современной России / В.Н. Васильева, Т.И. Симоненко // Гражданское общество в России: стратегия и тактика формирования / под ред. В.Г. Марахова. – СПб.: Изд-во НИИХ СПбГУ, 2001. – С.237-242.

2. Симоненко Т.И. Образование в контексте развития современного российского общества: стратегии и перспективы / Т.И. Симоненко // Гуманитарные практики в современном социуме: модернизация и

глобализация: сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – С. 473-476.

3. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

4. Самылов О.В. Репрезентации историзма в европейской философии XX века / О.В. Самылов // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации / редкол. А.П. Донченко и др.; НовГУ. – Новгород, 2010. – 406 с.

5. Татищев В.Н. История Российская / В.Н. Татищев: собр. соч. в 8 т. – М.-Л.: Наука, 1964. – Т. 4. – 556 с.

6. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 уч. г. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.

7. Карамзин Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – Т. 1–4. – 556 с.

8. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. – М.; Л.: Акад. наук СССР, 1941. – 254 с.

9. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. – Москва. В университетской типографии Н. Новикова, 1768. – 272 с.

Рецензент:

Карнаух В.К., доктор философских наук, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики